

12+

Рашит Халилulin

Ада



Рашит Халилulin

Ада

«Автор»

2018

Халилуллин Р.

Ада / Р. Халилуллин — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-99119-4

История маленькой еврейской девочки и о ее судьбе в период оккупации немецко-фашистскими войсками маленького городка в Полтавской области. Оккупанты вводят комендантский час, арестовывают коммунистов и заставляют евреев регистрироваться и носить опознавательные знаки. Вскоре им предлагают эвакуацию в безопасное место, на деле же отбирают все ценное и выводят к оврагу на расстрел. Выжившая девочка скрывается целый месяц и даже после поимки ухитряется сбежать из комнаты купеческого дома, куда ее привели на допрос. Два года она прячется в заложенном дымоходе, выходя по ночам на поиски еды и воды.

ISBN 978-5-532-99119-4

© Халилуллин Р., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рашит Халилуллин

Ада

Людам, пережившим войну, посвящается.

Пролог

Я родился через пять после войны и мне не довелось застать эти страшные события. Постепенно затягивались страшные раны на полях сражений. Люди привыкали к мирной жизни и постепенно забывали это жестокое время.

Мой отец был военным, он служил на границе в должности начальника пограничной заставы. Именно пограничники первыми приняли на себя удар немецко-фашистской военной машины и мой отец был в их числе. Он воевал все долгие четыре года и прошел войну от самого первого дня и до последнего, до Великой Победы, которую встретил в Берлине. Но и после Победы отец продолжал сражаться с недобитыми остатками врагов, ушедших в подполье.

Мама была врачом. Она познакомилась с отцом во время войны, когда он лежал в госпитале, на излечении после ранения. Но прошло ещё два года, прежде чем они смогли пожениться. Но и после окончания войны, для моих родителей она не закончилась. Мама продолжала лечить раненых и увечных солдат, а отец, в составе маневровой группы пограничников, боролся с фашистскими недобитками и пособниками, мешавшими налаживанию мирной жизни.

В то время мы жили во Львове, в квартире старинного дома на улице Городецкой. Яркими воспоминаниями моего детства были старинные дома, которые я всегда рассматривал во время прогулок, большой, парк с величественными деревьями, где мы часто бывали, улицы города то узкие, то неожиданно широкие, выбегавшие на площади и теряющиеся вдаль.

Но больше всего мне запомнился огромный монастырь и костел Святой Анны, стоявший на углу улиц Городецкой и Яновской. Величественное строение поднималось высоко в небо своей могучей башней и мне, тогда ещё маленькому мальчишке, нравилось смотреть на облака, то сурово-неторопливо, то суетливо-хлопотно бегущие по небу на фоне костела.

С нами по соседству жила тетя Ада. Она была доброй женщиной и мои родители прекрасно ладили с ней. Отзывчивая и ласковая, тетя Ада, как я привык её называть, не отказывала в помощи и нередко бывало что я оставался с ней, когда родители ходили в кино, на концерт. Или когда папа уезжал по службе, а мама задерживалась в госпитале.

Тетя Ада баловала меня, так как своих детей у неё не было. И как она сама сказала – никогда не будет. Она пережила оккупацию и всю её семью – родителей, младшего брата и маленькую сестру, убили немцы. Сама Ада, тогда ещё маленькая девочка, выжила чудом.

Глава 1

22 июня 1941г. 12.00. Выступление по радио народного комиссара иностранных дел СССР В.М.Молотова.

«..Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем было убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории. Уже после свершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляла никаких претензий к советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападавшей стороной...

... Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойное нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами...»

Части Красной Армии покидали город вечером. Усталые, запыленные колонны солдат медленно протянулись по улицам и, не задерживаясь на окраине, ушли в ночь. Позванивая траками гусениц, протарахтели танки, солидно порывкивая моторами проехали тягачи с прицепленными пушками, на которых сидели артиллеристы. Ловко лавируя в колонне, то туда, то обратно проносились редкие мотоциклы вестовых.

Всё это вызывало живейший интерес мальчишек, облепивших окрестные заборы и во все глаза глазевших на проходивших солдат.

Ада сидела на заборе в компании Семки и Витьки. Девочка была признанным членом этой мальчишеской банды и пользовалась уважением всех ребят. С ними она не раз ходила трясти соседские сады, лихо ныряла в темные заводы, где на самом дне копошились усатые раки, которых без страха доставали и запекали на костре, оголодав от купания.

Отец улыбался в усы, в очередной раз выслушивая рассказы о её подвигах от сердито выговаривающей мамы. И втихомолку подсовывал ей небольшую шоколадку, которую Ада честно делила с братом и сестрой.

Лето для двенадцатилетней девочки началось просто замечательно. Закончились занятия в школе и впереди были каникулы. Целых три месяца.

А потом началась война. Жители кто оставался, а кто-то покидал город. Эвакуировались госучреждения, фабрика, спешно вывезли оборудование небольшого завода. От райкома партии, располагавшегося в двухэтажном особняке, до революции принадлежавшему купцу первой гильдии Терину, отъезжали машины, вывозя документы и ценности.

Наконец улицы города опустели. Лишь ветер лениво гонял вдоль тротуаров какие-то бумажки. Оставшиеся жители попрятались по домам. Еще были живы те, кто помнил оккупацию во время гражданской войны, и они заранее прятали все самое ценное. А были и такие, кто откровенно радовался приходу немцев.

– Ада, – возбужденно подскочил Витька. – Пошли с нами. Там райком совсем пустой стоит. Даже сторожа нет.

Стайка мальчишек, вместе с девочкой, сорвалась с места и помчалась по улицам. Во дворе райкома партии в самом деле было пустынно и тихо. Ни одного человека вокруг. Они тихо зашли через открытые двери и пошли по просторным комнатам. Всюду валялись кипы бумага, шкафы были раскрыты. Под ногами сторожко хрустел разбросанный мусор.

– Пошли на крышу. – Сказал Семка, лениво ковыряя в носу. – Посмотрим, что вокруг делается.

Его предложение было принято единогласно. Компания ребят пересекла длинный коридор и по узенькой, привинченной к стене лесенке, поднялась на чердак, откинув в сторону тяжелый люк.

Один за другим мальчишки, а за ними и Ада оказались на чердаке. Косо пробивались лучи солнца, проникая через небольшое слуховое окно, подсвечивая пыль, лениво клубящуюся от неосторожных движений. Слышалось негромкое воркование голубей, сидевших под самой крышей.

При виде голубей у Гошки разгорелись глаза.

– Давайте наловим голубей. – Предложил Гошка, жадно посматривая на птиц. – Можно будет их Миронычу продать, с Зачатьевской.

– Да ну, – сплюнул в пыль Семка. – Все равно он нормальной цены не даст. В прошлый раз, когда ему пару хохлачей притащили, сказал, что ворованные и вообще не хотел ничего давать.

– Ага. – Поддержал его Витька. – А мне их брат подарил.

Со двора послышалось тархтение нескольких моторов. Ребята наперебой прильнули к небольшим щелям, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь.

Во дворе стояло несколько мотоциклов зеленого цвета, вокруг которых ходили люди в непривычной сероватого цвета форме, с незнакомыми автоматами через плечо. Они лениво, сверху донизу, оглядели здание и внезапно один из них, что-то гортанно выкрикнув, со смехом указал на крышу. Другой махнул рукой, и тогда он поднял автомат и дал очередь по крыше.

Ребята бросились врассыпную от пуль, застучавших по крыше. Они пересекли чердак и выбрались через слуховое окно на крышу. С другой стороны здания торчала пожарная лестница. Никто не помнил, как они спускались с крыши и бежали прочь от райкома.

Остановились только когда добежали до речки, попадая на песок.

– Вот гады. – Тяжело дыша, едва выговорил Семка. – По людям стреляют.

– Ага. – Подтвердил Витька. – Чуть-чуть в нас не попали.

– Не-е. – Так же отплевываясь, отрицательно помотал головой Гошка. – Это он не по нам стрелял.

– А по кому ещё? – Огрызнулся Семка. – По нам и стрелял. Больше не по кому было.

– Он выше, по крыше стрелял. А не по чердаку. – Не отступал Гошка. – У меня дядя охотник – я знаю.

– Там, на крыше, флаг висел. – Сказала Ада. – Может он по нему стрелял?

– О, Ада. А ты что, совсем не испугалась?

– Нет. – Пожала плечами девочка. – Чего пугаться? Он же нас все равно не видел.

– Вот что, – рассудительно сказал Витька, – поднимаясь с песка и отряхивая брюки. – Пойдемте-ка по домам. В такое время лучше быть дома.

Гошка ехидно улыбнулся.

– Что, Витенька, боишься мама беспокоиться будет?

Витя смерил Гошку спокойным взглядом своих серых глаз.

– Да, боюсь. – Неторопливо ответил он. – Я, в отличие от тебя, не хочу мать беспокоить. Она у меня и так болеет. Зачем я буду ей лишние хлопоты доставлять?

Витя ещё раз неторопливо оглядел всех, повернулся и направился в проулок, ведущий на улицу. За ним потянулись и все остальные.

Ада забежала домой, подпрыгивая от нетерпения. Ей не терпелось поделиться увиденным. Родители были дома. Даже папа, хотя он никогда так рано не приходил домой.

– Что делать будет, Хаим? – Тусклым голосом спросила мама.

Отец, сидевший за столом, тяжело поднял голову и пристальным взглядом посмотрел на мать.

– Что-нибудь придумаем, Анна, – успокаивающе сказал он.

Отец задумчиво посмотрел на восьмилетнюю Ганну, которую мама подняла на руки, погладил по голове пятилетнего Даниила, подошедшего к нему и тяжело вздохнул.

– Тяжело будет. – Пожевал в задумчивости губами он. – Ну да справимся. – Отец горько вздохнул.

Глава 2

Сообщение о установлении комендантского часа.

«Запрещенное время для обитателей Климовска устанавливается после 22 часов и до 6 часов утра. Кто в это время будет на улицах либо площадях без специального удостоверения, будет казнен. Сегодня были наказаны смертью – 15 лиц. Кроме того, арестовано как заложников 65 лиц. Каждый житель Климовска, кроме своей собственной жизни, отвечает и за безопасность немецких вооруженных сил и ставит на карту не только свою собственную жизнь, но и жизнь всех обитателей Климовска...»

Также, лица не вышедшие на работу в "общественные дворы" или трудовую обязанность (для ремонта путей и др.) будут оштрафованы в размере 50 руб., или 25 розог, а в случае саботажа – расстрел».

Полевые части немцев, не задерживаясь в городе, ушли на восток, оставив небольшой гарнизон. Какое-то время люди жили своей жизнью, постепенно привыкая к новому порядку. Отец Ады продолжал работать в сапожной мастерской, мать все так же принимала заказы на пошив одежды.

В бывшем райкоме теперь была военная комендатура. Ворота укрепили, забор поверху обнесли колючей проволокой, а на все окна в здании поставили решетки. Об этом рассказал Сёмка. Его отец несколько дней работал там, ремонтируя двери, окна и сантехнику.

У ворот стояла караульная будка, днём и ночью часовой прохаживался по ярко освещенному прожектором участку земли.

Постепенно жизнь в городе стала ухудшаться. Ввели комендантский час, по улицам зашныряли полицейские патрули, устраивая облавы и арестовывая людей. Многие из них домой не возвращались. Теперь, сидя вечерами за накрытым столом и ужиная, Левитины со страхом прислушивались к звукам, доносившимся с улицы. Иногда мать тихонько плакала, сидя в углу, а папа, присев рядом, негромко успокаивал её.

Однажды отец вызвали в комендатуру и вернувшись, он сел за стол и так долго сидел, опустив голову.

– Что случилось, Хаим? – негромко спросила мама.

Он ответил не сразу. Подняв голову, он взглянул на маму и перевел взгляд на детей, стоявших тут же.

– Сегодня в комендатуре повесили приказ. Все евреи, независимо от возраста, должны пройти регистрацию по месту жительства и носить на одежде отличительный знак – желтую звезду. Вот размеры. – Отец швырнул на стол какую-то бумажку. – Запрещено посещать публичные места, парки отдыха, скверы, спортивные площадки, на рынках и в магазинах можно бывать только в течении одного определенного часа в день. Хорошо хоть работать не запретили. – Он тяжело вздохнул. – И ещё нужно ходить отмечаться в комендатуре, так как покидать место постоянного проживания тоже запрещено.

Мать застыла, прижав руку ко рту и с тревогой глядя на отца.

– Вот так. – Отец уставился в стол. – Дождались...

На следующий день мама вырезала и пришила всем на грудь и на спину желтые, шестиконечные звезды. И ещё у каждого на груди была нашивка с адресом. Закончив, она посмотрела на детей со звездами и сгорбившись на стуле, беззвучно заплакала, прижимая ладони к груди. Папа Ады, хмуро натягивая куртку, подошел к ней, и присев рядом, обнял, прижимая к себе. Они так сидели некоторое время, потом отец встал и ушел.

– Адя, – подергала девочку за рукав Ганя, – а мы теперь всегда так будем ходить со звездочкой?

Ада посмотрела на сестренку, и крепко притянула её к себе. Она понимала, что происходит что-то нехорошее, но не смогла найти нужных слов и только молча кивнула головой.

– А мне нравится. – Заулыбалась Ганя. – Мама так красиво пришила? Мама, – позвала она, – а можно я к Маше схожу, поиграю? Она мне обещала куклу свою показать.

Мама вытерла слезы, катившиеся из глаз, и улыбнулась.

– Конечно, Ганя. Только иди через калитку. Не нужно ходить через улицу.

– Хорошо, мамочка. А почему ты плачешь? – Ганя подошла ближе и обняла маму. – Тебе плохо? Тебя кто-то обидел?

– Да нет, доченька, все в порядке. – Женщина улыбнулась. – Какая ты у меня заботливая стала. Иди.

Она ласково поцеловала девочку в щечку и Ганя, радостная, выбежала за дверь. Какое-то время мама сидела на стуле, опустив голову и думая о чем-то о своем. Затем она встряхнулась, улыбнулась смотревшей на неё Аде и подхватившись, принялась за шитье.

Ада посмотрела в окно. Ей совершенно не хотелось никуда идти, хотя мальчишки звали её с собой, обещая показать что-то интересное там, в лесу. У неё из головы не шли слова, которые мама сказала Гане. О том, что не нужно ходить через улицу.

Тут хлопнула калитка и Ада увидела отца, идущего к дому. Открылась дверь и папа вошел в дом, прошел по чистым половицам и плотно уселся на стул.

– Что случилось, Хаим? – Мягко спросила Анна. – Ты сегодня рано.

– А всё теперь. – Равнодушно сказал отец, закуривая сигарету. Никогда раньше он себе такого не позволял, всегда выходя на улицу. Порывшись в кармане, отец достал и бросил на стол аккуратно сложенный вчетверо листок. – Вот, – тускло сказал он, – здесь все написано.

– Ада, доченька, – терпеливо сказала Анна, – прочитай.

Девочка взяла листок, развернула его и с выражением начала читать.

«... Все жиды местечка Климовск и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Сосновой и Благостной улиц (возле кладбища).

Взять с собой документы, деньги, ценные вещи, а также теплую одежду, белье и продовольствие на три дня.

Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян.

Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян.

Арийские жители местечка (украинцы и русские) призываются доносить о жидях, не исполнивших этого приказа».

– Тут ещё на украинском и немецком. – Сказала Ада, закончив читать. – Я могу и с немецкого перевести – мне почти все понятно. – Хвастливо сказала девочка.

– Там тоже самое. – Хмуро ответил отец и перевел взгляд на Анну, которая сидела, прижав руки к лицу.

– Это что же такое, Хаим? – Едва слышно спросила она, не отрывая от него взгляда. – Откуда это у тебя?

Отец шумно вздохнул.

– Висит на всех столбах. – Негромко ответил он. – И ходят эти, новые, полицаи – всем раздают. Мне в мастерской дали.

– И что же теперь будет, Хаим?

– Не знаю, Анна, не знаю.

Отец замолчал. Впервые за все время Ада видел папу таким растерянным.

– Сегодня к нам в мастерские приезжал какой-то офицер, с солдатами. Говорил, что будет проводиться перепись всех евреев. Затем, после переписи, всех евреев с детьми, как элитную

нацию, вывезут и переселят в безопасное место. – Отец вздохнул. – Даже не знаю. Но на сборный пункт придется пойти – иначе расстрел.

Он хотел ещё что-то добавить, но тут громко хлопнула дверь и домой зашла вся заплаканная Ганя. По её лицу крупными каплями стекали слезы, которые она вытирала рукавом, но они все текли по щекам. Она сердито хлопнула дверью и уселась на стул в углу.

– Что случилось, Гануся? – Анна подошла к дочери и положила руку ей на плечо. Ганя сердито отмахнулась.

Анна беспомощно посмотрела на Хаима, тот лишь задумчиво посмотрел на дочь.

– Что произошло, солнышко? – Ласково повторила Анна.

По лицу Гани было видно, что она едва крепится, и наконец она не выдержала. Слезы хлынули потоком и девочка громко, навзрыд, заплакала. Анна обняла дочь.

– Ну же моя хорошая, расскажи мне.

– Меня мама Маши прогнала. – Всхлипывая, рассказывала Ганя. – Сказала, что делать мне у них нечего. И что теперь всех нас прижмут и покажут наше место. Мама-а-а, – в голос заплакала девочка, – почему она так сказала? Ну что я ей сделала?

Анна как могла, утешала дочку, прижав к себе и нашептывая ей ласковые слова. Отец мрачно сидел на стуле, молча глядя в стену пред собой. Аде стало страшно, от этого бессилия, её затрясло, как от мороза, несмотря на то, что в доме было тепло.

Глава 3

« Распоряжение шефа управления безопасности СС Гейдриха о переселении евреев, 27 сентября 1939.

В целях обеспечения надлежащих условий для контроля и последующей депортации евреи должны быть переселены в гетто. Необходимо в кратчайшие сроки (в течении трех-четырех недель) изолировать евреев-торговцев, в настоящее время проживающих и работающих в сельской местности. Их местонахождение и порядок передвижения должны быть согласованы с вермахтом в целях обеспечения безопасности при снабжении войск.

План действий.

Немедленно приступить к переселению евреев в города.

Депортировать евреев из Рейха в Польшу.

Депортировать оставшихся цыган в Польшу.

Приступить к систематической депортации евреев с территории Германии товарными поездами».

Назавтра собирали вещи. Уложили теплую одежду, документы, деньги и те небольшие ценности, что были дома: пару серебряных ложек, серьги и кольцо, доставшиеся маме от бабушки, деньги и несколько безделушек, имевших ценность только для родителей.

– Вот так.. – Грустно вздохнула мама. – Столько лет прожили, и больших ценностей не нажили.

Отец подошел к маме, обнял её ласково за плечи и нежно сказал.

– Не переживай. Вот сидят наша с тобой ценность. – Он кивнул на детей. – Будем живы – наживем. – Отец подмигнул Аде, которая сидела, обняв брата Даниила.

Сама Ада давно собрала те немногие вещи, на которые указала ей мама, и теперь молча наблюдала за суетой вокруг. С улицы послышался залиvistый свист. Девочка слегка вздрогнула и крепче прижала к себе брата. Свист повторился ещё и ещё. Ада умоляюще посмотрела на мать, которая делала вид, что ничего не слышит. Наконец она не выдержала.

– Иди уж. – Кивнула мама на дверь. – Не успокоятся ведь.

Ада выбежала из дома. За забором, оглядываясь по сторонам, стояли Семка и Витька. Они обрадовались девочке и переглянулись между собой. Ада неторопливо подошла к ребятам и без улыбки посмотрела на них.

– Ну, – поведя глазами, спросила она, – чего тут свистите?

Мальчишки переступили с ноги на ногу.

– Ну мы это, – смущенно пожал плечами Витька. – С тобой попрощаться хотели. Ты же вроде как уезжаешь.

– Ну так прощайтесь. – Сказала Ада.

Ребята ещё больше засмутились.

– А ты приедешь еще когда-нибудь? – Вдруг выпалил Семка.

Ада тяжело вздохнула, враз растеряв всю свою надменность.

– Сема.. – Устало произнесла она. – Ну откуда я могу знать? Мы ещё даже не уехали.

– А может, ты не поедешь? – Грустно протянул Семка.

– Ты объявление читал? – Спросила его Ада. – Если я не поеду, то это будет плохо.

Она глубоко вздохнула, пытаясь скрыть слезы, враз защипавшие от глаза. Ада сердито отвернулась, стараясь не глядеть на мальчишек.

– Мы тебя проводим немного. – Сиплым голосом сказал Витька.

Ада безразлично дернула плечом, не говоря ни слова. Она повернулась и пошла в дом. Дома уже все было готово. Отец стягивал ремнями разбухший чемодан, мать тоскливо оглядывала комнату, проверяя все ли уложено. Ганя и Даниил сидели на сетке кровати и покачи-

вались вверх-вниз, весело поглядывая друг на друга. Мебель в доме они накрыли чехлами и Ада ещё раз оглядела комнату, ставшую вдруг такой чужой.

– А что же с домом будет, Хаим? – Спросила мать, глядя на отца.

Отец потуже затянул ремень на чемодане и застегнул пряжку. Разогнувшись, он достал из кармана носовой платок и вытер выступивший на лбу пот.

– Закроем. – Ответил он. – А ключи есть у соседей. Присмотрят, если что. Павла Михайловна мне обещала.

Мать успокоено замолчала.

– Ну что, присядем на дорожку? – Вопросительно сказал отец и первым присел на стул. К нему подбежали Ганя и Даниил и подсунились под руки, с двух сторон, обняв отца. Мать присела на другой стул, а Ада опустилась на кровать.

Какое-то время они сидели молча, затем отец отстранил детей и встал.

– Ну что же. – Устало сказал он. – Пора. Выносите вещи.

Он подхватил два чемодана и вышел во двор. Мама взяла узел и вышла вслед за ним. Ада взяла свой узелок, маленький чемоданчик и понесла все это на двор. Отец уложил чемоданы в тележку, и перехватив у мамы узел, уложил его рядом с чемоданами. Пристроив сверху ещё пару узлов, он перевязал все веревками и отошел, осматривая дело своих рук. Сверху упал шум мотора и все подняли головы, гадая, что бы это могло быть.

Незнакомый самолет, в серой раскраске, ввинтился штопором в небо прямо над ними, снизился где-то над окраиной города, и снова пошел вверх. Тут же ему в пару пристроился второй, и они закружили каруселью в небе, то снижаясь, то выписывая круги над головами, то поднимаясь в высоту.

Какое-то время все они заворожено следили за этим воздушным представлением, пока отец не спохватился. Он обошел дом, методично закрывая ставни и проверяя все ли в порядке, затем запер дверь на висячий замок и подошел к семье.

– Все готовы? – Спросил отец. – Пойдемте.

Он взял тележку за ручку и покатыл её к калитке. Сёмка и Витька, наблюдавшие за ними придержали калитку, пока отец выкатывал её, затем подошли к Аде и Витька забрал узелок, который она несла в руке. На второй руке у нее было накинуто пальто. Мама вышла следом, крепко держа за руки Ганю и Даниила.

– Что, соседи, поехали? – К забору, отделявшему двор от улицы, подошла соседка.

– Да, Павла Михайловна, поехали мы. – Отозвалась мать.

На крыльцо соседского дома вышел сын Павлы Михайловны Матвей, и пристально оглядел их.

Крепкий, молодой парень, с постоянной улыбкой на открытом, приветливом лице, весной он должен был призываться в Красную Армию, но в один из дней куда-то пропал и вот с началом войны объявился. Снова поселился у матери и вечерами выходя из дома на двор, все наблюдал за Левитиными. Ада засмотрелась на его вышитую сорочку и заметила ухмылку, пробежавшую по лицу молодого мужчины.

– Вы уж, Павла Михайловна, присмотрите за домом, как обещали.

– Конечно присмотрю, – откликнулась соседка. – Вон для верности сына к вам поселю. Он как раз вернулся, жить ему где-то надо, да и заодно за домом вашим присмотрит. Так что не беспокойтесь, – нараспев зачастила она, – все будет в лучшем виде. А по приезду вашему сочтемся.

Она растянула рот в улыбке, и что-то в этом было такое неестественное, что Ада отвернулась, лишь бы не видеть довольного лица соседки. Ганя посмотрела на соседку и тоже отвернулась. Только вчера она выгнала её из своего дома и при этом назвала «грязной жидовкой».

Левитины не торопясь прошли по проулку и вышли на центральную «улицу Ленина». По ней нужно пройти до конца и там уже было место сбора. Чем дальше они шли, тем больше

становилось народа, идущего в ту же сторону. Люди шли семьями, таща на себе вещи. Кто-то как Левитины, вез их в тележке, кто-то вез на подводе, кто-то в коляске. А один раз мимо них солидно проехал грузовик, доверху набитый вещами, на которых невозмутимо сидели люди. Наверное, несколько семей скинулись вскладчину и наняли грузовик, для перевозки вещей.

В конце улицы они уперлись в толпу стоявших людей, которая то немного продвигалась вперед, то надолго замирала.

Ада решительно отобрала у Витьки узелок.

– Всё. – Сказала она. – Идите отсюда. Оба. Проводили и хватит.

Витька без сопротивления отдал ей узелок и понурился, повернулся и пошел обратно. Следом за ним отправился и Семка. Сначала Витька все оглядывался, но потом затерялся в потоке прибывающих людей.

Солнце поднималось все выше и стало ощутимо припекать. От столпотворения огромной массы людей было душно и напряженно.

– Мама, я пить хочу. – Жалобно пролепетала Ганя.

– И я тоже хочу. – Встрепенулся Даниил.

Мама не говоря ни слова, достала припасенную бутылку с водой и дала детям напиток.

– Потерпите. – Строго сказала им она. – В следующий раз не скоро дам.

Поток людей медленно продвигался вперед. Аде было интересно – а на чем их будут вывозить. Железнодорожный вокзал был в другой стороне города. Может тогда на машинах? Только вот почему так страшно? И эти непрестанно гудящие над головой самолеты, и издали доносятся приглушенные выстрелы – одиночные и очередями.

По краям улицы по двое, по трое, а то и группами, стояли немецкие солдаты. Оружие они держали за спинами, и поглядывая на людей, бредущих мимо, улыбались. Особенно выделяли девушек помоложе и посимпатичнее. К одной из них, идущей впереди Левитиных подошел солдат и что-то негромко сказал. Девушка недоуменно посмотрела на него и раздраженно отмахнулась. Немец пожал плечами и отошел.

– Что он тебе сказал? – Спросила её другая, идущая рядом.

– Предложил мне спать с ним. И полы у него мыть. А он меня за это отпустит. – Ответила девушка.

– Странно. – Заметила вторая. – С чего бы это ему предлагать?

– Не знаю.

На этом разговор сам собой прекратился. Наконец, спустя несколько часов, они добрались до своеобразного входа. Прямо поперек улицы стояло проволочное ограждение, с проходом посередине, за ним выстроились цепями солдаты, с оружием наперевес, в касках и бляхами на груди. От прохода шеренгами стояли украинские полицаи, в черной форме с серыми обшлагами.

На входе распоряжались двое – один был высокий, рослый и сильный мужчина в расшитой украинской сорочке и пышными вислыми усами. Второй был невысокий, неприметный, в сереньком костюме и надвинутой на глаза кепке. Люди шли мимо них, но обратно никто не выходил. Лишь изредка выезжали пустые повозки, сгрузившие вещи и выезжающие назад. Они ехали против течения людей, создавая толкучку и ругань и возницы громко кричали, размахивая кнутами.

Какой-то пожилой, авторитетного вида еврей, громко говорил кучке столпившихся рядом с ним людей:

– Немцы – это да. У них не забалуешь. Такой порядок. Вот война, и они решили вывезти всех нас подальше отсюда. Туда, где спокойнее.

– А почему только евреев? – Спросила какая-то маленькая, потрепанного вида женщина.

– Все потому, что мы для них родственная нация, самая близкая. Поэтому и вывозят в первую очередь. А потом и до других дело дойдет.

Левитины прошли вход и подошедший незаметно маленького роста чиновник во весь голос прокричал.

– Не задерживаемся! Проходим дальше! Вещи складываем налево, а у кого есть продукты – направо!

– А как же без продуктов и вещей? – Выкрикнула седенькая старушка.

– Вещи повезут в другом транспорте, а еду выдадут и накормят в дороге. – Ответил ей чиновник, записывая что-то на бумаге.

– Ну конечно же, – успокаивающе проговорила какая-то женщина. – Такой порядок – багаж поедет отдельно. А там, на месте, и разберёмся.

Все складывали узлы, чемоданы и сумки налево, в большую кучу. А узелки и корзины с продуктами уложили направо, в большой ящик.

– У кого теплые вещи – все сдать! – Громко приказал офицер в высокой фуражке, и указал плеткой, которую держал в руке на другой ящик.

Люди принялись снимать с себя и складывать в ящик кофты, свитера, кто-то бросал перевязанные узлы. К Аде подошел солдат и, подмигнув ей, ловко отобрал пальто. Сзади напирали и толпа людей потащила их дальше. Немного погодя опять все остановились, но уж перед невысоким, по пояс, заграждением, за которым цепью стояли солдаты. Офицер, громко выкрикивая, отсчитал группу людей и пропустил в проход. Немного погодя снова отсчитал и пропустил. И снова. Наконец очередь дошла и до Левитиных.

Они прошли в группе людей и увидели выстроившихся двумя шеренгами солдат, так что образовывался узкий, метра полтора коридор. Все солдаты стояли плечом к плечу, держа в руках дубинки, закатив высоко рукава.

Едва люди вошли в коридор, как на них посыпались со всех сторон сильные, разбивающие в кровь, удары. Солдаты били дубинками, не разбирая, кто перед ним – мужчина или женщина, старик, старуха или ребенок. Для них это был аттракцион, развлечение. И они хохотали, стараясь ударить сильнее – в живот, пах или по лицу. Уклониться или спрятаться от удара было невозможно, люди кричали. Кто-то падал и тогда спускали собак на поводке, которые моментально начинали рвать человека. Кто-то оставался лежать на земле и тогда люди шли прямо по нему, растапывая упавшего. Все бежали вперед, стараясь избежать ударов и не задерживаясь в проходе.

Наконец толпа обезумевших, окровавленных людей вывалилась на большую поляну, оцепленную двойным кольцом вооруженных солдат. Здесь распоряжались украинские полицейские, судя по разговору и акценту неместные. Они как хищные животные налетели на людей.

– Роздегайтеся! Швидко! – Они били людей дубинками, и насильно срывали одежду. Если кто-то медлил, его валили с ног и начинали бить ногами, пока человек не переставал двигаться. – Быстро! Шнель! – Кричали они, и люди сбрасывали с себя платья, штаны и бросали все это на землю. Все вокруг было усыпано бельем, одеждою и обувью.

На глазах Ады одна женщина замешкалась, раздевая своего малыша, и рассвирепевший полицейский подскочил к ней, вырвал из её рук ребенка и широко размахнувшись, перебрал его через оцепление за ограду. Обезумевшая мать повисла у него на руках и тогда изверг в униформе, свалив её ударом кулака, принялся избивать ногами. Наконец он отбросил окровавленную женщину в сторону.

Подбежал офицер и закричал.

– Быстро! Быстро! – По его команде, полицейский выстроились цепью и орудия дубинками погнали людей в сторону разрыва в оцеплении, к узкой траншее, уходившей вниз. Люди толкались и цеплялись друг за друга, и Ада потеряла из виду отца, прижимавшего к себе Ганю. Она покрепче сжала руку Даниила и старалась не отставать от матери.

Сверху траншеи стояли солдаты. Они смеялись и плевали вниз, и орал что-то на немецком, перемежая речь русскими словами. Наконец траншея закончилась. Впереди распахнулся

стороны глубокий карьер, с отвесными стенами. Справа была площадка, чуть дальше уходил узкий выступ. Подгоняющие сзади полицейские быстро, по одному, загнали всех на выступ.

Ада посмотрела вниз и судорожно ухватилась за мать. Внизу возвышалась груда окровавленных тел. Некоторые из них шевелились, кто-то пытался привстать, и тогда сверху раздавался одиночный выстрел. Откуда-то слышалась музыка – завели патефон. Люди все напирали, толпясь на площадке и тогда раздалась команда.

На противоположной стороне неширокого карьера, на мешках с песком, стояли пулеметы. Вокруг них, лениво развалившись на ящиках, сидели солдаты. Было хорошо видно, как они что-то ели из своих котелков, пили из железных кружек. Стоявший около мешков офицер что-то произнес, похлопывая по сапогу стеклом, и один из солдат, отставив котелок, вытер рукой рот и присел за пулемет.

Он принялся стрелять справа налево, неторопливо ведя ствол пулемета. Ада увидела, как люди срываются с выступа вниз, и почувствовала, как строчка пуль приближается к ней. Она смотрела на невозмутимое лицо солдата, сидевшего за пулеметом. Толпа людей надавила ещё сильнее, ручка Даниила выскользнула у нее из ладони и она полетела вниз, в карьер. Удар ошеломил её. Девочка врезалась в пологую стенку откоса и наполовину съехала вниз. Рядом с ней ворочались тела, кто-то стонал, утробно икал, плакал. Осыпавшийся песок присыпал Аду сверху и она потеряла сознание.

Глава 4

«В течение 29 сентября наши войска вели упорные бои с противником на всём фронте. Немецкие фашисты убивают, терроризируют и обирают мирное население в захваченных районах. В деревне Басманово Смоленской области гитлеровцы забрали у колхозников весь скот и всё продовольствие. Грабёж сопровождался дикими издевательствами. У старика Василия Пахомова забрали 9 пудов ржи, трёх поросят, овцу, два тулуна и три пары валенок. Всё это немецкий ефрейтор погрузил на телегу. Лошади поблизости не было. Тогда фашистский изверг запряг Пахомова и его жену и, угрожая пистолетом, приказал везти повозку до ротной кухни. Телега проехала несколько десятков метров и остановилась. Пахомов и его жена не могли двигаться дальше. Ефрейтор начал избивать крестьян. Пахомов не выдержал и резко оттолкнул немца. Тогда собравшиеся около воза фашисты тут же растерзали Пахомова, а дом его сожгли. Зверски замучили немцы также члена правления колхоза Алексея Демидова. Его били плётками, прикладами, а затем прикололи итьками.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.